

Н. Г. КУЗНЕЦОВА (Томск)

О КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

В самодийских языках категория залога остается недостаточно изученной, хотя вопрос и привлекал внимание ряда исследователей. Так, Г. Н. Прокофьев выделял в ненецком, энецком и нганасанском языках в прямой связи с типами спряжения три залога: переходный, непереходный и возвратный (1937). И. И. Мещанинов также считал, что для обозначения системы личных форм в ненецком и селькупском языках вполне приемлем термин «залог» (1949 : 93—117). Н. М. Терещенко установила в ненецком языке четыре залога: три у глагола — субъектный, субъектно-безобъектный и объектный и один у причастия — страдательный (1960). Наличие категории залога в энецком языке констатировала И. П. Сорокина (1975). По мнению Н. М. Терещенко, категория залога свойственна и нганасанскому глаголу (1979 : 230—234). Изучению данной категории в селькупском языке до сих пор внимания не уделялось, что и обусловило написание настоящей статьи.

Залог является сложной грамматической категорией, при описании которой необходимо учитывать данные и морфологии, и синтаксиса, и семантики, и лексики (Виноградов 1947 : 606). Эта категория признается синтаксической (см., например, Храковский 1974 : 42), ее выделение предполагает анализ синтаксических залоговых конструкций. Если же их оппозиция морфологизована, т. е. в глагольных словоформах анализируемых конструкций используются морфологические (суффиксальные) маркеры, возможно выделение в языке и собственно морфологической категории залога. Обоснованию выделения такой категории в кетском диалекте селькупского языка (ареал кетского диалекта и подразделение его на говоры соответствуют классификации Т. Янурика — Janurik 1978; см. также Кюннап 1985) посвящена данная статья.

Категория залога в кетском диалекте основывается на противопоставлении актива, медиума (среднего залога) и пассива.¹ К активному (действительному, переходному) залогу относятся производные и производные переходные глаголы, а также переходные глаголы со связанной основой, не употребляющейся самостоятельно без суффиксального

¹ Поскольку морфологическая категория залога может сопровождать соответствующую синтаксическую категорию, реализующуюся лишь в оппозициях активная конструкция/пассивная конструкция, активная рефлексивная конструкция/пассивная рефлексивная конструкция, активная реципрокная конструкция/пассивная реципрокная конструкция, а синтаксической категории, представленной оппозициями активная конструкция/рефлексивная конструкция, активная конструкция /реципрокная конструкция и называемой условно категорией референтности (Храковский 1981 : 38), сопутствует морфологическая категория референтности, то морфологически маркированные словоформы рефлексивной конструкции и реципрокной конструкции называются словоформами среднего залога условно (Храковский 1981 : 22).

оформления (Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980 : 211). Переходность глагольного действия может быть выражена при помощи личных окончаний объектного спряжения (у семантически переходных глаголов) или сочетанием какого-либо транзитивизирующего суффикса с личными окончаниями указанного типа (у производных переходных глаголов и переходных глаголов со связанной основой). Необходимо подчеркнуть, что за переходными глаголами в данном диалекте в целом закреплен лишь один тип спряжения — объектный (иначе в тазовском — Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980 : 211), что вызвано, по-видимому, развитием специфического способа выражения возвратности действия. Переходные глаголы могут иметь при себе прямое дополнение в оформленном или неоформленном винительном падеже. В залоговую оппозицию активный залог входит в качестве немаркированного члена.

К среднему залогоу в кетском диалекте относятся возвратные глаголы, являющиеся производными от переходных. Формальные признаки их в данном диалекте:

1. Наличие суффикса *-ku-* (и его фонетических вариантов) или *-V* (где $V = \text{ɟ}$ или u).
2. Регулярное использование в 3 л. ед. ч. настоящего времени индикатива окончания *-η*, в то время как собственно непереходные глаголы в этом лице-числе, времени и наклонении могут оканчиваться на *-η*, *-n* и \emptyset . В будущем времени индикатива формы 3 л. ед. ч. возвратных и непереходных глаголов оканчиваются одинаково — на *-η*; в *-s(V)*-овом прошедшем времени указанного наклонения (о невозможности выделения в современном кетском диалекте прошедшего времени на *-(m)pV* см. Кузнецова 1985) у непереходных и возвратных глаголов в этом лице-числе параллельно употребляются формы на *-η* и \emptyset . В остальных случаях личные окончания возвратных и собственно непереходных глаголов полностью совпадают.
3. Использование в качестве маркера будущего времени показателя *-lčV-* и его фонетических вариантов.

Следует заметить, что суффиксы *-V-* и *-ku-* в кетском диалекте не служат формальными признаками исключительно возвратных глаголов. Так, последний может вычленяться и в морфологической структуре ряда собственно непереходных глаголов, выступая, как правило, в неразрывном единстве с суффиксом *-m-*, например, ВК, СК, НК *attu-gu-m-gu* 'показаться' (при *attugu* 'виднеться, быть на виду'), ВК, СК, НК *küssu-gu-m-gu* 'заболеть (о какой-либо части тела)' (при *küssugu* 'болеть (о какой-либо части тела)'), ВК, СК, НК *tassu-gu-m-gu* 'подняться морозу' (при *tassugu* 'быть морозу, морозить'), или же с суффиксом *-(k)ku-* итеративности-имперфективности, например, НК *kβen-gu-kku-gu* 'отправляться в путь периодически' (при *kβengu* 'отправиться'), НК *tū-gu-kku-gu* 'приходить периодически' (при *tūgu* 'прийти'). Вокалический исход основы в данном диалекте типичен и для собственно непереходных глаголов несовершенного вида, например, ВК, СК *ippt̄-ku*, НК *ippt̄-gu* 'лежать', ВК, СК *kond̄i-ku*, НК *kodd̄i-gu* 'спать', ВК, СК *amd̄i-ku*, НК *abd̄i-gu* 'сидеть' и т. д. Как указано выше, личные окончания возвратных глаголов, за исключением 3 л. ед. ч., полностью совпадают с личными окончаниями собственно непереходных. Следовательно, в современном кетском диалекте формальные средства выражения возвратности и собственно непереходности действия практически идентичны. Поэтому глаголы на *-ku-* и *-V-* относятся к разряду возвратных лишь при наличии у них производящих переходных коррелятов, или, по крайней мере, соответствующих связанных переходных основ, с ко-

торыми глаголы на *-ku-* и *-V-* могли бы быть соотнесены при образовании возвратной диатезы.

Суффикс *-ku-* (и его фонетические варианты) образует, как правило, возвратные глаголы от односложных переходных глаголов с основой на гласный: ВК, СК *tū-gu-gu*, НК *tū-gu-gu* 'закрыться' (от *tūgu* 'закрыть'), ВК, СК *ko-gu-gu*, НК *ko-gu-gu* 'обнаружиться' (от *kogū* 'обнаружить, найти, увидеть'), ВК, СК *nū-gu-gu*, НК *nū-gu-gu* 'открыться' (при *nūgu* 'открыть') и т. д. Иногда указанный суффикс участвует в образовании возвратных глаголов и от односложных основ на согласный, не функционирующих в чистом виде: ВК, СК *miš-ku-gu* 'порваться' (ср. *miškilgu* 'порвать', *mišša-lgu* 'дернуть'), ВК, СК *taḡ-ku-gu* 'собраться' (ср. *taḡkilgu* 'собрать') и т. д. Зафиксированы также случаи употребления суффикса *-ku-* (и его фонетических вариантов) в сочетании с суффиксом *-(k)ku-* итеративности-имперфективности в дериватах с возвратным значением от неодносложных переходных глаголов: СК *ḡatto-l-gu-kkugu* 'причесываться' (при *ḡatto-lgu* 'причесать (волосы), оцарапать'), НК *noḡko-l-gu-kkugu* 'толкаться' (при *noḡko-lgu* 'толкнуть'), НК *miṇni-gu-kkugu* 'сгибаться' (при *miṇnigu* 'согнуть').

Суффикс *-ku-* возвратности (-непереходности) действия в тазовском диалекте селькупского языка не выделяется. Существуют определенные сложности при выделении его и в кетском диалекте, обусловленные следующим. Согласный элемент суффикса *-ku-* в интервокальном положении может озвончаться в СК, НК до *g*. Поскольку чередование *g ~ η* в инлауте признается для селькупского языка закономерным (Castrén 1854 : 98; Прокофьев 1935 : 23—24; Künnap 1978 : 133, 136), *g* в интервокальном положении при отсутствии в глагольной форме маркеров времени и наклонений следует соотносить с *η* показателя (*)-*η(V)*- настоящего времени индикатива для основ на гласный (Lehtisalo 1936 : 144—145). У основ на согласный суффикс *-ku-* возвратности (-непереходности) действия совпадает с формой *-ku-* суффикса *-(k)ku-* итеративности-имперфективности. При наличии в селькупском языке чередования ступеней, в котором участвуют глухие смычные геминаты, в том числе *kk*, для которой *kk* является сильной ступенью, одиночный *k ~ σ ~ g* — слабой (Setälä 1912; 1914; Сенкевич-Гудкова 1959; Hajdú 1962; Деннинг, Морев 1979 : 94), *k* в ВК *-ku-*, *σ* в СК *-gu-*, *g* в НК *-gu-* в формах 3 л. ед. ч. настоящего времени индикатива (типично слабых формах при чередовании ступеней) можно было бы считать слабой формой геминаты *kk* суффикса *-(k)ku-* итеративности-имперфективности. Для тазовского диалекта и баишенского говора выделен суффикс краткости действия *-ku-* (Прокофьев 1935 : 62; Варковицкая 1947 : 91), материально совпадающий с суффиксом возвратности (-непереходности) в кетском диалекте. Между тем в пользу выделения в исследуемом диалекте суффикса *-ku-* со значением возвратности (-непереходности) говорит ряд соображений, ведущее место среди которых занимают соображения формально-грамматического характера:

1) суффикс *-ku-* возвратности (-непереходности) действия может быть представлен в инфинитиве и сочетаться как с суффиксом *-(k)ku-* итеративности-имперфективности, так и с суффиксом *-ḡV-* однократности-краткости действия (для последнего самостоятельное употребление в кетском диалекте не характерно, как правило, он употребляется в сочетании с другими суффиксами со значением перфективности): ВК, СК *nū-gu-kku-gu*, НК *nū-gu-kku-gu* 'открываться', НК *nū-gu-ḡi-lḡi-gu* 'открыться быстро, рывком' (от *nūgu* 'открыть');

2) присоединение суффикса *-ku-* при образовании возвратных глаго-

лов от переходных не ведет к смене видового значения, в то время как глаголы на $-(k)ku-$ относятся к несовершенному виду, а глаголы, содержащие в основе суффикс $-kV-$ (и его фонетические варианты), являются перфективными.

Суффикс $-V-$ (где $V=i$ или u) образует возвратные глаголы от односложных переходных с основой на гласный и односложных и односложных переходных глаголов с основой на согласный. Но лишь у дериватов от основ с консонантным исходом он представлен в явной форме, например, ВК, СК *niškil-i-gu*, НК *niškil-u-gu* 'порваться' (от *niškilgu* 'порвать'), ВК, СК *ňakkal-i-gu*, НК *ňakkal-i-gu* 'растянуться' (от *ňakkalgu* 'растянуть'). У возвратных глаголов, образованных от односложных переходных с основой на гласный, основы омонимичны с соответствующими производящими. Следовательно, как средство рефлексивного преобразования у односложных переходных глаголов с вокалическим исходом основы можно рассматривать замену объектного спряжения, закрепленного в кетском диалекте за переходными глаголами, на субъектное (ср. Храковский 1981 : 16): СК *miñit—miñiŋ* 'он согнул (сейчас) что-либо' — 'он согнулся (сейчас)' (при *miñniŋku* 'согнуть(ся)') СК *illē taččit — illē taččiŋ* 'он бросил вниз (сейчас) что-либо' — 'он бросился вниз (сейчас)', (при *illē taččiŋgu* 'бросить(ся) вниз'), СК *laḳčit — laḳčiŋ* 'он сломал (сейчас) что-либо' — 'он сломался (сейчас)' (при *laḳčiŋgu* 'сломать(ся)') и т. д. Однако у дериватов с возвратным значением от переходных глаголов указанного типа будущее время более или менее регулярно маркируется $-nčV-$ и его фонетическими вариантами, а не $-\bar{s}.nčV-$ и его фонетическими вариантами, как у собственно непереходных и переходных глаголов с соответствующим типом основы: СК *miñiñziŋ* 'он согнется', но *miñnē-nziŋ* 'он согнет что-либо', *illē-nziŋ* 'он будет жить', т. е. показатель будущего времени присоединяется при сохранении конечного гласного основы с рефлексивным значением. Это может свидетельствовать о явной грамматической значимости данного гласного. Поэтому формы с возвратным значением от односложных переходных глаголов на гласный следует считать образованными не заменой объектного спряжения на субъектное, а присоединением суффикса $-V-$ (где $V=i$ или u) к усеченной глагольной основе. Усечение основы за счет конечного гласного в кетском диалекте типично для тех случаев, когда суффикс после основы начинается с гласного. Появление же омонимичных основ с возвратным и переходным значением объясняется материальным совпадением суффикса $-V-$ возвратности действия с конечным гласным производящей переходной основы. О том, что в данном случае мы имеем дело с вокалическим суффиксом, могут свидетельствовать сохранившиеся формы с возвратным значением, где представлены и гласный производящей переходной основы, и гласный суффикса (при возможной эпентезе), например, СК *miñni-i-ŋ*, *miñni-(β)-u-ŋ* 'он согнулся (сейчас)' (от *miñniŋgu* 'согнуть').

К разряду возвратных следует отнести, по-видимому, и глаголы на $-V-$ (где $V=i$ или u), присоединенный к основам на m (в интервокальном положении переходит в β) или r , имеющим переходные корреляты на $-m- + -čV-$ и $-r- + -čV-$. Основы на m и r , служащие для этих глаголов производящими, никогда в чистом виде не выступают. Примеры: ВК, СК *al(i)β-u-ku* 'ошибиться, обмануться' (при *alamčuku* 'обмануть', ср. также *alangu* то же), ВК, СК *araβ-u-ku* 'вернуться'

(при *aramčuku* 'повернуть'), ВК, СК *maliß-u-ku*, НК *malm-ǫ-gu* 'кончиться' (при *malamčuku* 'кончить'), ВК, СК *ler-u-ku*, НК *lerr-u-gu* 'испугаться' (при *lerčigu* 'испугать'), ВК, СК *por-u-gu*, НК *porr-u-gu* 'загореться' (при *porčigu* 'зажечь'), ВК, СК *par-u-gu*, НК *parr-u-gu* 'приклеиться, прилипнуть' (при *parčigu* 'приклеить'), ВК, СК *ür-u-gu*, НК *ürr-u-gu* 'потеряться' (при *ürčigu* 'потерять').

В зависимости от лексического значения и характера синтаксических связей в предложении кетские возвратные глаголы можно разделить на следующие типы:

1. Собственно-возвратные глаголы, называющие действие, производитель которого является и объектом его. Они легко заменяются в предложении на переходные с соответствующей формой местоимения *on-* (о последнем в тазовском диалекте см. Кузнецова, Хелимский, Груш-

кина 1980 : 290—293). Примеры: СК, НК *ḡatto-l-gu-kkugu* 'причесываться' (при *ḡatto-l-gu* 'причесать (волосы)'), СК, НК *müzalž-i-gu* 'умыться' (при *müzalž-i-gu* 'умыть (что-либо, кого-либо)') и др.

2. Средне-возвратные глаголы, обозначающие действия-движения, которые субъект совершает сам или заставляет других совершать над собой, в том числе

а) обозначающие перемещение субъекта в пространстве: СК, НК *taḡḡalž-i-gu* 'передвинуться' (при *taḡḡalž-i-gu* 'передвинуть что-либо'), СК, НК *pigalž-i-gu* 'перевернуться' (при *pigalž-i-gu* 'перевернуть'), ВК, СК *noḡḡo-l-i-gu*, НК *noḡḡo-l-ǫ-gu* 'столкнуться' (при *noḡḡo-l-gu* 'толкнуть') и др.;

б) обозначающие изменение состояния субъекта: ВК, СК *ler-ǫ-ku*, НК *lerr-u-gu* 'испугаться' (при *lerčigu* 'испугать'), ВК, СК *por-ǫ-ku*, НК *porr-u-gu* 'загореться' (при *porčigu* 'зажечь'), ВК, СК *par-ǫ-ku*, НК *parr-u-gu* 'прилипнуть' (при *parčigu* 'прилепить') и др.

Глаголы группы 2 (прежде всего б) могут утрачивать формальные признаки возвратности, что позволяет рассматривать их и как собственно-непереходные: ВК, СК *lerua-n*, ср. НК *leruṅ* 'он испугался (сейчас)', ВК, СК *lerrē-nžiq*, ср. НК *leružžiq* 'он испугается'.

3. Взаимно-возвратные глаголы, способные обозначать действия, совершаемые более чем одним субъектом, при этом действующие лица выступают одновременно и объектами действия. Такие глаголы могут иметь как рефлексивную, так и реципрокную диатезу: СК *ḡula ṅomto-lumbatti* — *ḡum ṅomto-lumba* 'люди толкаются' — 'человек толкается' (при *ṅomto-lumpiku* 'толкаться'), СК *ḡula ṅidelumbatti* — *ḡum ṅidelumba* 'люди целуются' — 'человек целуется' (при *ṅidelumpiku* 'целоваться'). Примеры: ВК, СК *parre-l-u-mpiku* 'слипнуться' (при *parre-l-gu* 'расклеить'), ВК, СК *ḡabal-u-gu*, НК *ḡabal-u-gu* 'обняться' (при *ḡabal-gu* 'обнять'), ВК, СК *ṅomto-l-u-mpiku* 'толкаться' (при *ṅomto-l-gu* 'толкнуть'), ВК, СК *ṅaββ'e-l-u-mpiku* 'кидаться' (при *ṅaββ'e-l-gu* 'перекидать'). Суффикс *-ǫ-l-* в структуре подобных глаголов указывает на многократность, множественность действия. У ряда глаголов этой группы суффикс *-V-* возвратности выступает в неразрывном единстве с суффиксом *-(m)pV-*, участвующим в кетском диалекте в образовании глаголов состояния (результативных и стативных) (Кузнецова 1985).

4. Возвратно-пассивные глаголы, обозначающие видимое изменение предмета, оставляя открытым вопрос об источнике этого изменения. Способны иметь как возвратную, так и пассивную диатезу (подробно

далее). Примеры: ВК, СК *nū-gu-gu*, НК *nū-gu-gu* 'открыться' (при *nūgu* 'открыть'), ВК, СК *ko-gu-gu*, НК *ko-gu-gu* 'обнаружиться' (при *kogu* 'обнаружить, найти, увидеть'), ВК, СК *niškil-i-gu* 'порваться' (при *niškilgu* 'порвать'), ВК, СК *ranna-l-i-gu*, НК *ranna-l-u-gu* 'сло-маться' (при *ranna-lgu* 'сломать') и др.

Итак, морфологическим средством выражения среднего залога в кетском диалекте являются суффиксы *-ku-* (для односложных основ на гласный) и *-V-* (для неодносложных основ на гласный и основ на согласный). На образование этого залога существует некоторое ограничение: его формы имеют лишь те переходные глаголы, действие которых может быть отнесено и к самому субъекту действия, иначе говоря, «глагольные лексемы, иррелевантные к уменьшению числа референтов» (Храковский 1981 : 15). В среднем залоге, который представляет собой диатезу, определяемую через оппозицию с активной формой, глагол обозначает процесс, развивающийся в субъекте, при этом субъект внутренен по отношению к процессу (Бенвенист 1974 : 188). Действие, исходящее от действующего лица, не выходит за его пределы, замыкается в нем, т. е. субъект и объект действия как бы совмещаются в одном лице. Поэтому средний залог в кетском диалекте можно определить и как залог внутреннего объекта (аналогично — Н. М. Терещенко о среднем залоге в нганасанском (1979 : 232)).

В регулярных оппозициях активный залог/средний залог медиальные формы имеют, как правило, различного рода рефлексивные значения:

1) прямо-рефлексивное, если производитель действия является и его непосредственным объектом. Это значение может передаваться также сочетанием активной формы глагола с соответствующей формой местоимения *on-*. Примеры (активная конструкция/рефлексивная конструкция): *ter müzalžit üčcem — ter müzalžit onđisjiamđi — ter müzalžin* 'он вымыл ребенка (сейчас)' — 'он вымыл себя (сейчас)' — 'он вымылся (сейчас)' (от *müzalžigu* 'вымыть(ся)'), *ter šiktit kenan — ter šiktit onđisjiamđi — ter šiktin* 'он повесил собаку (сейчас)' — 'он повесился (сейчас)' (от *šiktiku* 'повесить(ся)');

2) посессивно-рефлексивное имеют формы среднего залога от глаголов, действие которых может быть направлено на объект, являющийся частью субъекта действия. Оно может передаваться также сочетанием активной формы глагола с местоимением *on-*. Примеры (активная конструкция/рефлексивная конструкция): *ter tšamđi naškalžit — ter naškalžin* 'он оскалил зубы-свои (сейчас)' — 'он оскалился (сейчас)' (от *naškalžigu* 'оскалить(ся)'), *ter surgalžit kattı — ter surgalžin* 'он сморщил лоб-свой (сейчас)' — 'он сморщился (сейчас)' (от *surgalžigu* 'сморщить(ся)'), *ter mažit üdimđi — ter mažin* 'он порезал руку-свою (сейчас)' — 'он порезался (сейчас)' (от *maččigu* 'порезать(ся)') и т. д.;

3) рефлексивно-моторное, когда формы среднего залога образованы от переходных глаголов, обозначающих перемещение предмета в пространстве (ср. Козинцева 1981 : 85). Примеры (активная конструкция/рефлексивная конструкция): *ter takkalžit kamžam — ter takkalžin* 'он передвинул-нарту (сейчас)' — 'он передвинулся (сейчас)' (от *takkalžigu* 'передвинуться(ся)'), *ter pigalžit kovat — ter pigalžin* 'он

перевернул шкуру (сейчас)' — 'он перевернулся (сейчас)' (от *pigalʒigu* 'перевернуть(ся)'), *ter nakanniʔ kovat* — *ter nakkaliŋ* 'он растянул шкуру (сейчас)' — 'он растянулся (сейчас)' (от *nakkalgu* 'растянуть', *nakkaliŋu* 'растянуться') и т. д.;

4) декаузативное имеют дериваты от смысловых каузативов — переходных глаголов, значение которых можно определить, исходя из значений соответствующих непереходных, используя выражение «делать так чтобы» (Дэжэ, Мокань, Храковский 1969 : 116). Примеры (активная конструкция/рефлексивная конструкция): *ter laḳčitt maɟim* — *makkj laḳčiq* 'он сломал палку (сейчас)' — 'палка сломалась (сейчас)' (от *laḳčigu* 'сломать(ся)'), *ter müssiʔit βetam* — *βetti müssiʔiq* 'он сварил мясо (сейчас)' — 'мясо сварилось (сейчас)' (от *müssiʔigu* 'сварить(ся)'), *ter ütiʔit adɛlam* — *adɛla ütiʔatti* 'он остановил оленей (сейчас)' — 'олени остановились (сейчас)' (от *ütiʔigu* 'остановить(ся)') и т. д.;

5) рефлексивно-каузативное имеют формы среднего залога при каузировании субъектом определенных действий над собой (Недялков, Сильницкий 1969 : 40). Примеры (активная конструкция/рефлексивная конструкция): *tevam sōmʒit sōmbiriḳum* — *ter sōmʒiq sōmbiriḳubannan* 'его вылечил знахарь (сейчас)' — 'он вылечился у знахаря (сейчас)' (от *sōmʒigu* 'вылечить(ся)'), *nüssu leiʔit tevam* — *ter leiʔiq nüssunni* 'его нанял хозяин (сейчас)' — 'он нанялся к хозяину (сейчас)' (от *leiʔigu* 'нанять(ся)'), *tevam pičit iβan* — *ter pičiq iβanniŋnan* 'его постриг Иван (сейчас)' — 'он постригся у Ивана (сейчас)' (при *piččigu* 'постричь(ся)') и т. д.;

6) реципрокное — имеют чаще всего формы среднего залога от глаголов со значением множественности действия. Примеры: *tibiḳum ḳaβanniʔ neiḳumdi* — *neiḳum ḳaβanniʔ tibiḳumdi* — *terḳi ḳaβaluadi* 'муж обнял жену-свою (сейчас)' — 'жена обняла мужа-своего (сейчас)' — 'они обнялись (сейчас)' (при *ḳaβalgu* 'обнять', *ḳaβalugu* 'обняться'), *tibiḳum niḳit neiḳumdi* — *neiḳum niḳit tibiḳumdi* — *terḳi niḳeluardi* 'муж поцеловал жену-свою (сейчас)' — 'жена поцеловала мужа-своего (сейчас)' — 'они поцеловались (сейчас)' (при *niḳigu* 'поцеловать', *niḳte-igu* 'перецеловать', *niḳdelugu* 'поцеловаться') и т. д.;

7) квазипассивное; сохранение рефлексивной семантики связано с наличием в конструкции модальных добавок: наречий *sōŋ* 'хорошо', *aβo-ŋ* 'плохо', *tak* 'быстро', отрицания *assi* 'не' (Храковский 1974 : 45). В зависимости от последних выделяются два подкласса квазипассивных значений — потенциально-пассивное и результативно-пассивное (Генюшене 1981 : 174). Потенциально-пассивное значение имеют формы среднего залога при указании на возможность предмета подвергаться воздействию, называемому исходным переходным глаголом, благодаря внутренним свойствам, присущим этому предмету (Недялков, Сильницкий 1969 : 40), например, *man nūkkuat matam* — *matta assi nū-sukkuŋ* 'я открываю дверь' — 'дверь не открывается' (при *nūgu* 'открыть', *nūgukkugu* 'открываться'). Результативно-пассивное значение имеют, как правило, формы возвратно-пассивных (и, редко, пассивных) глаголов при наличии в предложении модального слова, указывающего на временной период (обычно сверхкраткий) совершения действия, когда логический объект как бы приобретает некоторые черты субъ-

екта действия, например, *тєр ма̋зит бєтам — бєтти так ма̋зиг* 'он отрезал мясо (сейчас)' — 'мясо быстро отрезалось (сейчас)' ~ 'мясо быстро отрезавшееся'. Данное значение практически смыкается с пассивным. Однако невозможность введения в подобную конструкцию агентивного дополнения позволяет относить ее к конструкциям среднего залога. Примеры: *тєр ма̋сє-нниг бєтам — бєтти так ма̋сє-лу* 'он отрезал мясо (сейчас)' — 'мясо быстро отрезалось (сейчас)' (от *ма̋сє-лгу* 'отрезать', *ма̋сє-лугу* 'отрезаться'), *тєпла амнатти бєтам — бєтти так аβиг* 'они съели мясо (сейчас)' — 'мясо быстро съелось (сейчас)' (от *амгу* 'съесть', *аβигу* 'быть съеденным') и т. д.

Употребление суффиксов для передачи возвратности действия в кетском диалекте не регулярно, в выражении граммы медиума наметился переход от суффиксальных показателей к замене объектного типа спряжения на субъектный. Так, ряд глаголов с основой на согласный, у которых рефлексивное преобразование достаточно регулярно осуществляется с помощью суффикса *-V-* (где $V=i, u$), может образовывать формы среднего залога и путем замены объектного спряжения на субъектное: СК *топпо-нниг* 'он запнулся (сейчас)', ср. *топпо-нниг* 'он пнул (сейчас) кого-либо' (при *топпо-лгу* 'пнуть', *топпо-лугу* 'запнуться'), СК *ни̋с̋к̋анниг* 'он порвался (сейчас)', ср. *ни̋с̋к̋анниг* 'он порвал (сейчас) что-либо' (при *ни̋с̋к̋алгу* 'порвать', *ни̋с̋к̋алугу* 'порваться'), СК *на̋к̋к̋анниг* 'он растянулся (сейчас)', ср. *на̋к̋к̋анниг* 'он растянул (сейчас) что-либо' (при *на̋к̋калгу* 'растянуть', *на̋к̋калугу* 'растянуться') и т. д. Указанному переходу способствует, по-видимому, наличие большой группы возвратных глаголов с суффиксом *-V-* (где $V=i$ или u), материально совпадающим с конечным гласным производящей переходной основы (см. выше) и более или менее явно представленным только в формах будущего времени. Следовательно, современное состояние системы залоговых форм в кетском диалекте отражает переход от трехчленной оппозиции к двучленной, основанной на противопоставлении актива и пассива. Выделение же среднего залога становится возможным, исходя лишь из семантико-синтаксических оппозиций. Поэтому о морфологической категории залога можно вести речь, обращаясь прежде всего к оппозиции актив/пассив.

К пассивному залогу в кетском диалекте относятся пассивные и возвратно-пассивные (при образовании пассивной диатезы) глаголы, оформленные суффиксами *-ku-* и *-V-* (где $V=i, u$), распределение которых в зависимости от типа основы полностью совпадает с распределением идентичных суффиксов у возвратных глаголов, например, ВК, СК *тє-гу-гу*, НК *тє-гу-гу* 'быть сделанным' (при *тєгу* 'сделать'), ВК, СК *аβ-и-гу*, НК *аβ-и-гу* 'быть съеденным' (при *амгу* 'съесть'), ВК, СК *ора-л-и-гу*, НК *ора-л-у-гу* 'быть пойманным' (о звере, птице, рыбе) (при *ора-лгу* 'поймать (зверя, птицу, рыбу)') и т. д., а также объектные результаты на *-(m)pV-*, образование которых достаточно регулярно (Кузнецова 1985).

При совпадении морфологических средств выражения медиального и пассивного значений (суффиксы *-ku-* и *-V-*) встает вопрос о разграничении их. Средством разграничения страдательности и возвратности действия у производных глаголов с указанными суффиксами может служить семантика глагольного действия производящей или соответствующей связанной переходной основы. Так, рефлексивные глаголы образуются в первую очередь от глагольных лексем, у которых позиции актантов могут занимать семантически однородные имена. («Семанти-

чески однородными относительно данной глагольной лексемы являются такие имена, что, если они взаимно меняют позиции актантов, семантическая правильность конструкции не нарушается» (Храковский 1981 : 14)). Пассивные глаголы образуют прежде всего те глагольные лексемы, у которых позиции актантов занимают семантически разнородные имена. Средством разграничения возвратного и пассивного значений у возвратно-пассивных глаголов, а также возвратного и пассивного значений вообще может служить и структура предложения. Страдательное значение явно обнаруживается в тех случаях, когда в предложении имеется дополнение в орудно-совместном падеже (Беккер 1978 : 156). При отсутствии такого дополнения возвратно-пассивные глаголы имеют одно из значений среднего залога, например, *essem nūat matam — matta nūguṅ esepse — matta nūguṅ* 'отец-мой открыл дверь (сейчас)' — 'дверь открылась (сейчас) отцом-моим' — 'дверь открылась (возможно, сама)' (при *nūgu* 'открыть', *nūgugu* 'открыться, быть открытым'). У пассивных глаголов на *-ku-* или *-V-* при отсутствии дополнения в орудно-совместном падеже значение также в отдельных случаях может ослабляться до медиального, например, *essem ora-nnit kβelam — kβeliṅ ora-liṅ esepse — kβeliṅ ora-liṅ* 'отец-мой поймал рыбу (сейчас)' — 'рыба поймана отцом-моим' — 'рыба поймана' ~ 'рыба попалась' (при *ora-lgu* 'поймать (рыбу)', *ora-ligu* 'быть пойманным').

Пассив в **кетском** диалекте обозначает чаще всего состояние логического объекта, возникшее в результате предшествующего действия. Такое значение пассива относится, по-видимому, к наиболее древним залоговым значениям (Яхонтов 1974 : 52). К пассивным конструкциям в исследуемом диалекте принадлежат стальные (двучленные и трехчленные) и акциональные (преимущественно трехчленные). Формы глаголов с суффиксом *-ku-* или *-V-* в стальных конструкциях не противопоставляются формам объектных результатов. Однако от основ на *-ku-* и *-V-* могут быть образованы формы с акциональным значением путем прибавления к основе суффикса *-(k)ku-* итеративности-имперфективности, в то время как основы на *-(m)pV-* используются исключительно для передачи стального значения. Поэтому употребление объектных результатов и ограничено стальными пассивными конструкциями. Примеры:

1) стальные пассивные конструкции:

а) глагольные словоформы маркируются суффиксом *-ku-* или *-V-*: *essem ora-nnit kβelam — kβeliṅ ora-liṅ esepse* 'отец-мой поймал рыбу (сейчас)' — 'рыба поймана отцом-моим' (от *ora-lgu* 'поймать', *ora-ligu* 'быть пойманным'), *sūrudikūm kβetnat sūrum — sūrip kβetan sūrudikupse* 'охотник убил зверя (сейчас)' — 'зверь убит охотником' (от *kβetku* 'убить', *kβetiku* 'быть убитым'), *mergat nūat matam — matta nūguṅ merkse* 'ветер открыл дверь (сейчас)' — 'дверь открылась ветром (сейчас)' (от *nūgu* 'открыть', *nūgugu* 'быть открытым'), *essem kōat üčcem — üčce kōguṅ esepse* 'отец-мой нашел ребенка (сейчас)' — 'ребенок нашелся (сейчас) отцом-моим' (от *kōgu* 'найти', *kōgugu* 'быть найденным') и т. д.;

б) глагольные словоформы маркируются *-(m)pV-*: *essem mēat matam-mat mēmba (esepse)* 'отец-мой построил дом (сейчас)' — 'дом построен (отцом-моим)' (от *mēgu* 'построить, сделать', *mēmbiku* 'быть построенным, быть сделанным'), *sūrudikūm kβetnat sūrum — sūrip kβetpa (sūrudikupse)* 'охотник убил зверя (сейчас)' — 'зверь убит

(охотником)' (от *ķβetku* 'убить', *ķβetpiku* 'быть убитым'), *mergat tūat matam — matta tūmba (merkse)* 'ветер закрыл дверь (сейчас)' — 'дверь закрыта (ветром)' (от *tūgu* 'закрыть', *tūmbiku* 'быть закрытым'), *essem ora-nnit ķβelam — ķβeli ora-lpa (esepe)* 'отец поймал рыбу (сейчас)' — 'рыба поймана отцом-моим' (от *ora-lgu* 'поймать', *ora-lpiku* 'быть пойманным') и т. д.;

2) акциональные пассивные конструкции: глагольные словоформы маркируются сочетанием суффиксов *-ku-(-V-)* + *-kku-*: *essem ora-lgut ķβelam — ķβeli ora-likkun (esepe)* 'отец-мой ловит рыбу' — 'рыба ловится (отцом-моим)' (при *ora-lgugu* 'ловить', *ora-likkugu* 'ловиться'), *sūruldikum ķβetkut tumbinēlam — tumbinēla ķβetiġkuatti (sūruldikulaſe)* 'охотник убивает волков' — 'волки убиваются (охотниками)' (при *ķβetkugu* 'убивать', *ķβetiġkugu* 'убиваться'), *essem mēkkut madam — mat mēgukkuŋ (esepe)* 'отец-мой строит дом' — 'дом строится (отцом-моим)' (от *mēkkugu* 'делать', *mēgukkuŋ* 'делаться') и т. д.

Итак, диалекта пассивных конструкций в глагольных словоформах кетского диалекта имеет морфологическое выражение. Учитывая, что личные спрягаемые формы с окончаниями объектного спряжения регулярно употребляются в активных конструкциях, а формы объектных результатов на *-(m)pV-* от соответствующих переходных глаголов — в пассивных конструкциях, можно считать, что глаголу данного диалекта свойственна морфологическая категория залога, представленная двумя рядами форм — активных (немаркированных) и пассивных (маркированных). Однако отношения между формами, репрезентирующими противопоставленные друг другу граммемы активы и пассива, могут быть не только грамматически регулярного типа (формы одного и того же слова — залоговые пары, образованные объектными результатами и соответствующими переходными глаголами), но и грамматически нерегулярного типа (залоговые пары, образованные глаголами с суффиксом *-ku-* или *-V-* и соответствующими им переходными глаголами). Регулярность залоговых корреляций первого типа заключается в том, что противопоставление всегда протекает в рамках одного и того же лексического значения, что позволяет говорить о формах одного слова. Отсутствие грамматической регулярности корреляций второго типа не вызывает сомнения, так как присоединение суффикса *-ku-* или *-V-* к переходным глаголам не всегда ведет к образованию пассивных форм: в одних случаях образуются пассивные глаголы, в других — возвратные или возвратно-пассивные. Это дает основание говорить о формах, которые хотя и могут характеризоваться тождеством лексического значения, но из-за отсутствия грамматической регулярности не могут быть признаны формами одного и того же слова. Поэтому морфологическую категорию залога в кетском диалекте, исходя из оппозиции актив/пассив, можно отнести к категориям с непоследовательно коррелятивным формообразованием (трактовку категории залога в русском языке см. Бондарко 1975 : 59; 1976 : 85).

Сокращения

ВК — верхнекетский говор кетского диалекта; НК — нижнекетский говор кетского диалекта; СК — среднекетский говор кетского диалекта.

ЛИТЕРАТУРА

- Беккер Э. Г. 1978, Категория падежа в селькупском языке, Томск.
- Бенвенист Э. 1974, Общая лингвистика, Москва.
- Бондарко А. В. 1975, Классификация морфологических категорий. — Мещаниновские чтения, Москва, 56—76.
- 1976, Теория морфологических категорий, Ленинград.
- Варковицкая Л. А., 1947, Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам баишенского говора). Канд. дисс., Москва (рукопись).
- Виноградов В. В. 1947, Русский язык, Москва—Ленинград.
- Генюшене Э. Ш. 1981, К теории описания рефлексивных глаголов (на материале литовского языка). — Залоговые конструкции в разноструктурных языках, Ленинград, 160—184.
- Деннинг Н. В., Морев Ю. А. 1979, Геминия согласных в селькупском языке. — СФУ XV, 94—103.
- Дэжё Л., Мокань А. А., Храковский В. С. 1969, Каузативы, антикаузативы и связанные с ними синтаксические конструкции в венгерском языке. — Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив, Ленинград, 115—130.
- Козинцева И. А. 1981, Рефлексивные глаголы в армянском языке. — Залоговые конструкции в разноструктурных языках, Ленинград, 82—99.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. 1980, Очерки по селькупскому языку, Издательство МГУ.
- Кузнецова Н. Г. 1985, Значение показателей *-mpV-*, *-pV-* в селькупском языке. — Структура самодийских и енисейских языков, Томск, 36—42.
- Кюннап А. Ю. 1985, О диалектном членении южносамодийских языков. — FU 12 (TRÜT 690), 135—138.
- Мещанинов И. И. 1949, Глагол, Москва—Ленинград.
- Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. 1969, Типология морфологических и лексических каузативов. — Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив, Ленинград, 20—40.
- Прокофьев Г. Н. 1937, К вопросу о переходном залоге в самодийских языках. — Памяти В. Г. Богораза (1865—1936), Москва—Ленинград, 309—322.
- 1935, Селькупский (остяко-самоедский) язык. Селькупская грамматика, Ленинград.
- Сенкевич-Гудкова В. В. 1959, К вопросу о фонетических и некоторых морфологических сходствах и различиях кольско-саамских диалектов с самодийскими языками. — Ученые записки Карельского педагогического института, т. VI, Петрозаводск, 139—167.
- Сорокина И. П. 1975, К вопросу о залоге в энецком языке. — Лингвистические исследования 1975. Исследования по грамматике языков народов СССР, Москва, 136—144.
- Терещенко Н. М. 1960, О категории залога в самодийских языках. — Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова, Москва—Ленинград, 178—193.
- 1979, Нганасанский язык, Ленинград.
- Храковский В. С. 1974, Пассивные конструкции. — Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого, Ленинград, 5—45.
- 1981, Диатеза и референтность (к вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций). — Залоговые конструкции в разноструктурных языках, Ленинград, 5—38.
- Яхонтов С. Е. 1974, Формальное определение залога. — Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого, Ленинград, 46—53.
- Castrén, M. A. 1854, Grammatik der samojedischen Sprachen, St.-Petersburg.
- Hajdú, P. 1962, Die Frage des Stufenwechsels in den samojedischen Sprachen. — UAJb, XXXIV, 41—54.
- Janurik, T. 1978, A szölkup nyelvjárások ostalyozása. — NyK LXXX, 77—104.
- Künnap, A. 1978, System und Ursprung der kamassischen Flexionsuffixe II. Verbalflexion und Verbalnomina, Helsinki (MSFOu 164).
- Lehtisalo, T. 1936, Über die primären uralischen ableitungssuffixe, Helsinki (MSFOu LXXII).
- Setälä, E. N. 1914, Über art, umfang und alter des stufenwechsels im finnisch-ugrischen und samojedischen. — FUF Anz. XII, 1—128.

N. G. KUZNECOVA (Tomsk)

ABOUT THE CATEGORY OF VOICE IN SELKUP

This article aims at showing the existence of the morphological category of voice in Selkup using the data of the Ket dialect. In this dialect the category of voice is based on the opposition of the active, the medium and the passive. But the present-day state of the voice system on the morphological level reflects transition from a 3 members opposition to a 2 members opposition — the active versus the passive. The inclusion of the medium becomes possible only in semantico-syntactical oppositions. The diathesis of passive constructions has a morphological expression in verbs. Taking into account the general use of transitive verb forms with personal objective inflexions in the active constructions and the use of objective resultatives in $-(m)pV-$ (derived from the corresponding transitives) in the passive constructions we may postulate the existence of the morphological category of voice in the Ket dialect. This category is presented by two series of forms — the active (unmarked) and the passive (marked). The relations between the forms presenting the opposed grammemes may be grammatically of both regular and irregular type. The former are made up by objective resultatives and corresponding transitive verbs, the latter are presented by means of passive verbs in $-ku-$ and $-V-$ ($-V = i, u$) and corresponding transitives. Hence the morphological category of voice in the present-day Ket dialect may be considered as a category with inconsistent correlative form-building.